

кий Тацит назвал Одина «Марсом». Надо думать, «Меркурием» римлянин назвал бога плодородия и сексуальной силы Фрейра. Идолы вышеозначенных божеств, по свидетельству немецкого хрониста Адама Бременского, стояли в алтаре языческого храма свейской Упсалы еще в XI веке.

Таким образом, данные Тацита показывают, что в своих главных чертах традиционное древнегерманское общество как преимущественно единое социокультурное сообщество мало изменилось с I в. н. э. до XI в. н. э.

О.И. Конькова

«ИЖОРСКАЯ» АРХАИЧНАЯ КОНСТРУКЦИЯ МИРА И СОХРАНЕНИЕ ЕЕ СТРУКТУРЫ В КОНЦЕ XIX И В КОНЦЕ XX вв.

Несмотря на принятие ижорой христианства еще в XIII в., многие архаичные космогонические представления сохранились у ижор вплоть до второй половины XX в. в форме традиционных песен так называемой «калевальской» метрики. В целом у ижор записано более 100 тысяч старинных песен. Значительная их часть (в основном это записи конца XIX в.) дает возможность воссоздать «ижорскую» конструкцию мира, несмотря на то, что к моменту фиксации фольклорная традиция уже подверглась значительным изменениям. Тем не менее на основе рудиментов космогонических мифов, дошедших до нас в народных песенных вариантах конца XIX в., мы попытаемся воссоздать представления ижор о создании и формировании окружающего их мира.

Таким образом, в нашем небольшом исследовании будут присутствовать три этапа существования народных космогонических представлений у ижор: во-первых, воссоздаваемый нами «базовый» архаичный вариант; во-вторых, вариант остаточных миротворящих представлений конца XIX в. (на основе ижорских песен того времени); в-третьих, современные представления ижор о структуре изначального мира (уже с трудом вычленимые в условиях полного исчезновения традиционного фольклора).

Описание формирования мира у ижор существует в общем русле широко известного в мировом фольклоре мифа о сотворении мира из яйца птицы. В ижорской руне рассказывается о том, как «ласточка, дневная птица» (иногда добавляется «ночная птица — летучая мышь») летала «легкий день, осеннюю темную ночь», чтобы найти место для гнезда. Пролетев девять морей, в середине десятого моря нашла три кочки, на них свила гнездо и снесла яйца (в некоторых версиях гнездо вьется на острове посреди моря, иногда — на

палубе плавающего военного корабля). Но тут налетели дождь и ветер, гнездо упало в воду. Ласточка полетела к кузнецу, попросила сделать железно-медные грабли. Граблями она сгребла море в кучу, достала половину желтка и сделала из него солнце, достала половину белка — и сделала из него месяц, из оставшихся крошек сотворила звезды.

Важно отметить два момента. Во-первых, само изначальное творение мира отсутствует: ласточка летает в почти готовом мире, где существуют по крайней мере десять морей, кочки или остров (иногда с лесом), где даже плавает военный корабль. Отметим, что этот готовый мир все же обладает чертами архаичного мифологического сознания. Он создан по законам своей, «мифологической» логики. Так, творение светил происходит в мире, где уже есть день и ночь, т.е. следствие обгоняет причину. Во-вторых, в отличие от карельских и приладожских рун о ковании неба кузнецом здесь полностью отсутствуют темы создания неба.

Мы не будем обсуждать причины рудиментарного сохранения у ижор основного космогонического мифа. Для нашей темы важно, что в ижорской фольклорной конструкции мира уже изначально существуют две стихии: море и небо. Их никто никогда не создает. Также никто не создает мир мертвых (о нем прямо или косвенно говорится в других сюжетах, но нигде не обсуждается вопрос создания Маналы) и мир живых (ласточка, кузнец). Это мир устойчивых объектов, не имеющих пространственных (как небо и море) или временных границ (как бесконечный мир мертвых и мир вечно порождаемых живых).

Несозданные «бесконечные» объекты постоянно притягивают к себе представителей того же «бесконечного» мира. Так, рассмотрим сюжеты «Похищенная на небо» (“*Pilviin viety*”) и «Похищенный на небо охотник» (“*Pilviin viety metsästjdj*”). Любопытно, что исследователи не находят достоверного объяснения этим мистическим сюжетам, только М. Кууси полагал, что песня основана на мифологических представлениях о духах воздуха и леса, похищающих заблудившихся в лесу и отпускающих их после ритуальных действий и выкупа [Kuusi 1963: 329]. В первом сюжете девушка пропадает со двора и после многотрудных поисков матери обнаруживается на туче. Девушку отпускают после того, как мать готовит в ручье пиво и отдает некоему «судье». Во втором случае на охоте пропадает пятый сын. После долгих безуспешных поисков матери, превращающейся в различных животных — от комара до медведя, отец находит сына, которому голову «держат тучи, облака вцепились в кудри». Отец обжигает края тучи пучком горячей соломы, разгоняет облака дымом, и сын возвращается домой. Нашей целью не является объяснение этих сюжетов, но важно отме-

тить, что это единственные сюжеты, где небо является активным героем, и в обоих случаях оно контактирует только с людьми, показывая при этом необъяснимую связь двух «бесконечных» «несозданных» объектов.

Совершенно очевидна в ижорском фольклоре устойчивая связь «моря» и «мира мертвых». Не случайно довольно широко распространена песня, начинающаяся словами «ой, как посмотрю на море — как на смерть смотрю большую» [Народные песни 1974: 306]. Показателен в этом отношении сюжет «На корабле убитый брат» («Laivassa surmattu vel»). Этот сюжет у ижор часто контаминируется с другими сюжетами, и мы рассмотрим фрагменты трех различных контаминаций. В первом варианте девушка Майой «делала постель на волнах, постелила на воде», при этом «нож упрятала в перину» и пригласила прилечь в эту постель парня Лимой. Парень ложится, ворочается и погибает. Мать, узнав о гибели сына, бежит к морю, бросается в него, делая ладони веслами, а руки — крыльями.

Она плывет к военному кораблю, где спрашивает, почему вода в море красная. Старший на корабле отвечает, что здесь потрошили рыбу [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 148–150]. Теперь рассмотрим конец второго варианта этого распространенного сюжета, где уже не мать, а сестра ищет исчезнувшего брата. Поняв, что брат утонул, сестра заказывает у кузнеца грабли из железа и рябины и находит одежду и останки брата [Там же: 144–145]. В третьем варианте утонувший брат сам подает голос из воды и предупреждает (иногда это делает батрак), чтобы родные впредь не брали из моря воду, не ловили в море рыбу и не вылавливали топляки, не стирали на морских камнях, потому что это все кровь и плоть погибшего [Там же: 147; Народные песни 1974: 55–57, 277–279].

Теперь выделим важные для нашего исследования моменты:

1. Девушка Майой делает постель *на волнах*, и на этой *морской* постели погибает парень. Здесь обнаруживается прямая связь *море* — *смерть*. Следует отметить, что некоторые исследователи комментируют этот сюжет как предостережение о неожиданных опасностях моря и связанных с ним жертвах [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 205]. Однако такое профанное толкование сюжета выглядит неубедительным, особенно если мы обратим внимание на два последующих замечания.

2. Мотив поиска убитого в море с помощью железных граблей с рябиновыми зубьями — это аналог сюжета о начальном творении ижорского мира, когда ласточка достает куски разбитых яиц и из них создаются солнце, месяц и звезды. Это возврат к изначальному миру несозданного моря и несозданного мира мертвых. Этот возврат поддержан и мотивом превращения рук матери в

крылья (как у ласточки-демиурга). На связь данного сюжета с мифом о первотворении указывает и внезапное появление в рассказе военного корабля (как и в одном из вариантов мифа о создании светил).

3. Труднее объяснить происхождение мотивов отождествления морской воды с человеческой кровью, а рыб, морских камней и топляков — с частями человеческого тела. Здесь возможны различные предположения. Ряд исследователей видят в этой слитности некий наивный символический смысл — полную зависимость материального благополучия человека от моря и опасность, таящуюся в море для человека. Другие рассматривают происхождение морских объектов из частей тела некоего прачеловека и обратный генезис человека из морской первостихии [Там же: 206]. Для нас в этом сюжете важна и очевидна не просто связь моря и умершего человека, а срастание моря и мира мертвых через единство внутренних объектов.

Любопытен еще один аспект связи мира мертвых и моря, постоянно выступающий в ижорском фольклоре. Так, герои, совершающие убийство, ищут убежище в море, например в сюжетах о Майе-мужеубийце [Там же: 153], о Каукамойнене [Там же: 65].

Другие же предметы и явления, присутствующие в мифах, такие как земля (кочки, остров), корабль, лес, *имеют происхождение* в фольклорных сюжетах. На основе различных эпических сюжетов можно описать различные элементы «творения» ижорского мира. Итак, создаются:

1. *Солнце, месяц, звезды*. Их создает ласточка=летучая мышь из кусков своего яйца, упавшего в море, с помощью инструмента, сделанного кузнецом [Там же: 36–37; Народные песни 1974: 253–254; Карело-финский народный эпос 1994: 13–16].

2. *Огонь*. Его добывает кузнец Исмаройнен совместно с Вяйнямейненем «на морском просторе чистом», при этом новосозданный огонь попадает в первоначальную «бесконечную» стихию — море, и море вспыхивает [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 39–40].

3. *Морское дно*. О его формировании рассказывает старый Вяйно: «Море я перепахал, засевал я дно морское, камни в кучи собирал, волны выгонял на берег» [Там же: 53].

4. *Земля* (земля в ижорском фольклоре присутствует в виде острова). Описаны три разных способа создания острова, но всегда он создается падением чего-либо в море:

– из упавшего в море яйца и гнезда [Карело-финский народный эпос 1994: № 3.V 22–23];

– из крошки или слитка золота, которые кузнец уронил в море [Карело-финский народный эпос 1994: 20–21];

– возникает после пожара при падении огня в море [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 40].

Обратим особое внимание, что все объекты, по происхождению связанные с морем, создаются мужчинами или с помощью инструментов, сделанных мужчиной. Творцом же всех природных объектов, создаваемых уже не в море, а на земле, является девушка (чаще всего — дочь кузнеца). Это объекты второго уровня создания, причем они создаются вторым поколением людей:

5. *Горы*. Их создателем во всех случаях выступает девушка (иногда — дочь кузнеца). Она бросает камень при похищении светил — и из него возникает скала [Там же: 35], или девушка плачет — и из ее слез возникают три горы [Народные песни 1974: 260].

6. *Реки*. Их тоже создает девушка (иногда — дочь кузнеца): или бросает кувшин — возникает река с горой [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 35], или плачет, и «тут возникли три реки» [Народные песни 1974: 260].

7. *Деревья*. Создатель — девушка (или девушки). Существует четыре варианта появления деревьев:

– дочь кузнеца бросает гребень — возникает могучий лес и густая тайга [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 35];

– девушка плачет, и на горе вырастают три березы [Народные песни 1974: 260];

– сестра на пиру богов выплескивает пивную пену: «А куда же слить мне пену?... Стройный дуб в том месте вырос, поднялась сосна большая, вознеслась там ввысь рябина» [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 41];

– четыре девушки находят и сажают желудь, из которого затем вырастает огромный дуб, скрывающий солнце и месяц [Карело-финский народный эпос 1994: 71].

Следующая группа создаваемых объектов (уже объектов третьего уровня создания, производимых из объектов второго уровня), создается братом девушки:

8. *Предметы*. Их создает брат девушки из срубленного им большого дуба: «Он разделал дуб на части — из комля наделал бочек, из вершины — хомутов, из ветвей — пивных бочонков, ... из ствола срубил он баню» [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 43]. В других вариантах брат изготавливает еще и лодку [Карело-финский народный эпос 1994: 71; Народные песни 1974: 255].

Чрезвычайно важно заметить, что создаются только те объекты, которые имеют временные или пространственные границы. В противоположность вечным (море и небо, мир мертвых и мир живых) создаваемые объекты принадлежат неустойчивому миру, который имеет начало и конец, его существование прерывно, и значит особо должно осознаваться его начало.

В этот же ряд неустойчивых объектов попадает «золотая дева». Это очень распространенный сюжет, исследователи считают, что он восходит к международному мифу о создании первой женщины. Ижорский вариант мифа таков: на острове происходит межэтническое брачное союзу, и на ничейном наделе кузнец строит кузницу. Кузнец кует сошники, серпы и бусы, но его все ругают. Рассердившись, он поджигает кузницу и отправляется к родственникам, которые его корят за отсутствие жены. В гневе кузнец возвращается домой и кует себе золотую деву, у которой, однако, «трех вещей недоставало: дара речи, дара мысли, не хватало глаз во лбу», кроме того, она была холодна в постели. Кузнец раскаивается, что сделал золотую жену [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 73–76; Карело-финский народный эпос 1994: 48–50].

В фольклористике существуют разные варианты толкования этого мифа: от видения в нем рудиментов мифа о создании первой женщины [Наавио 1952: 296–299] или о создании культурных благ [Кууси 1963: 155–161] до сведения его к простой сентенции о том, что всякий мужчина должен иметь жену [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 190]. Нас интересует этот сюжет с точки зрения попытки создания нового, а значит, конечного объекта — человека. Но человек изначально принадлежит к несоздаваемым «бесконечным» объектам, он не может быть создан — и поэтому кузнец терпит неудачу.

Устойчивые «бесконечные» объекты (море, небо, мир мертвых) образуют связь, противопоставленную конечному созданному миру солнца и суши. Рассмотрим под этим углом чрезвычайно важный сюжет «Сватовство в Туони» (“Tuonelta kosinta”). Сын Солнца (т.е. потомок созданного объекта) едет на край земли (созданного объекта) сватается к дочери Туони (хозяйина подземного мира Манала — т.е. потомка несозданного вечного объекта). После выполнения сыном солнца, казалось бы, невыполнимых заданий (пройти по концам иглок, секир и наточенных ножей, попариться в огненной бане и т.д.) старейший в Манале отдает дочь замуж, но та убегает к берегу. Жених ее насильно возвращает. Через девять лет совместной жизни дочь Туони бежит к черному морю, и оттуда ее забирает обратно в Маналу отец. Таким образом мы видим, что Манала находится не просто «на краю земли», она существует на границе с морем. Кроме того, ее обитатели постоянно отторгают новосозданный мир: хозяин Туони не хочет отдавать дочь замуж, задавая жениху невыполнимые задания, дочь Туони постоянно стремится к морю и оттуда — в Маналу [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 67–70].

И в других сюжетах наблюдается отторжение морем суши. Обратим внимание на сюжет «Дева моря» (“Meren neito”). Первоначаль-

чальное стремление девы моря и лесного жениха быть вместе сменяется конфликтом: жених леса насильно везет деву моря в церковь, дева не смеет войти в дом жениха и все смотрит на море [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 76–77].

Любопытно, что именно создаваемые объекты порой служат разделителем бесконечных несоздаваемых объектов. Так, в упомянутых сюжетах о похищенных тучей именно «созданный» огонь и «созданное» пиво в «созданной» реке способны отделить людей от неба.

Важно отметить взаимоотношения основных несозданных элементов мира. Как уже было отмечено, теснее всего связаны море и мир мертвых. Небо стоит несколько особняком. К морю и миру мертвых примыкает мир живых, который, в свою очередь, создает конечный мир уже создаваемых объектов (первого, второго и третьего уровней создания). И контактирование, и отторжение изначального несозданного бесконечного мира и мира конечных созданных объектов происходит только через мир живых.

Таким образом, вырисовываются определенная структура основных элементов и ижорское мироздание, реконструируемое на основе фольклора:

1. В основе ижорского мира лежат четыре вечных объекта — море, небо, мир живых, мир мертвых. Они никем не созданы, равнозначны, не создают иерархии, взаимосвязаны и имеют определенное взаимное притяжение.

2. На их основе создаются объекты первого уровня создания: солнце, месяц, звезды, огонь, морское дно, земля. Их творцами выступают либо птица, либо мужчина (чаще всего — кузнец), причем основное действие при создании — случайное падение в море (не направленное действие). Следует заметить, что объекты первого уровня создания не образуют взаимодействия с вечными объектами и даже часто вступают с ними в конфронтацию.

3. На основе объектов первого уровня создания творятся горы, реки и деревья — объекты второго уровня создания, их творцом тоже выступает «вторичное» поколение людей — дочь кузнеца или просто девушка. Основное действие при их создании — бросание (т.е. уже осмысленное направленное действие) или плач (осмысленное эмоциональное действие).

4. Объекты третьего уровня создания — бытовые предметы (домашняя утварь, лодка, кантеле). Они производятся из объектов второго уровня братом девушки или с ее помощью. Основное действие здесь — осмысленная ремесленная работа.

Обратим внимание на два существенных обстоятельства формирования мира:

Во-первых, существует определенная иерархия при создании объектов: от больших и значимых (солнце, огонь, земля и т.д.), че-

рез средние объекты (горы, реки, леса), к более мелким (бытовые предметы). Т.е. процесс создания идет по пути детализации мира.

Во-вторых, основы мира не создаются, они существуют изначально. Начало создания крупных объектов мира случайно, действия при его творении неосмысленны (случайное падение в море). При создании средних вторичных объектов применяется направленное одноразовое действие (бросание или плач). Последующие объекты третьего уровня создаются направленными сложными действиями (ремесленная работа). Таким образом процесс создания и формирования мира идет от аморфной статичности к случайности, затем к одноразовым действиям и, в конце концов, к сложным многоэтапным действиям.

Все описанное выше — результат осмысления конструкции «ижорского» мира на основе древних песен, сохранявшихся у православных ижор в конце XIX в. Удивительным образом на эту фольклорную картину накладываются современные народные представления о мире, зафиксированные в период полного исчезновения архаичного фольклора у всех этнографических групп ижор. Мы увидим, как, несмотря на современное отсутствие традиционного «калевальского» фольклора — основного «носителя» представлений о конструкции мира у ижор, представления о главных бесконечных «изначальных» объектах мира сохраняются. Приведу несколько значимых реплик, записанных у информантов в конце 1990-х гг. в ареалах расселения ковашских, сойкинских и нижнелужских ижор.

Мужчина, 82 года, ижор: «Море — оно всегда было. Острова там, отмели, заливы — все морем создается. Оно главное всего».

Женщина, 67 лет, ижорка: «Ну, небо было всегда, и море. Земля-то что, дунет ветер — и горы нет. А небо — всегда, и в плохую погоду, и когда солнца нет, или когда там шторм идет. [А звезды?] Звезды тоже не поймешь. То ли есть они, то ли нету их. [То есть как, нет?] А так. Ученые говорят, что они ужас как далеко, но ведь никто их не щупал. Так что, может, и нет их».

Мужчина, 69 лет, ижор: «Все равно, веришь ты в Бога или нет, но только мертвых-то на свете больше всего. Это же тысячи лет и люди, и звери умирали. А живые — это только крышечка сверху. Как ряска на море. А мертвых если всех взять — как целое море. Только еще больше».

Мужчина, 78 лет, ижор: «Все, все создано богом и людьми. Только море всегда было. Его же не придумашь! [А мир мертвых?] Мертвых-то под самую завязку. Все исчезнет, а мертвые останутся».

Женщина, 80 лет, ижорка: «Небо было всегда. И все оно берет к себе. И до срока берет, и в срок. Хотя некоторые на время и выкарабкиваются. У неба нет ни начала, ни конца. Всех заберет».

Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск. 1990.
Карело-финский народный эпос. М., 1994. Кн. 2.
Народные песни Ингерманландии. Л., 1974.
Haavio M. Kirjokansi.Suomen kansan kertomaruunoutta. Helsinki, 1952.
Kuusi M. Suomen kirjallisuus. I: Kirjoittamaton kirjallisuus. Keuruu, 1963.

Н.Е. Мазалова

**«У ХЛЕБА СПОРЫНЬЮ ВЫНИМАЛА»
(ДОСТАТОК РУССКИХ КРЕСТЬЯН И КОЛДУНЫ)**

Для русских крестьян было характерно ведение натурального хозяйства, отличающееся простым воспроизводством (равенство созданного продукта потребленному). Появление дополнительного продукта, превышающего обычный прирост, воспринималось как нечто экстраординарное и настораживающее, в особенности, если в это время в другом хозяйстве происходили потери. В соответствии с представлениями традиционного общества, богатство — заданная величина; если прибавляется у кого-то, то соответственно уменьшается у другого. Эти представления соотносятся с «теорией ограниченных ресурсов» Дж.М. Фостера, принцип «постоянства суммы» основан на том, что увеличение количества неких благ в одном хозяйстве интерпретируется соседями как уменьшение их достатка. Зачастую поводом для обвинения в колдовстве какого-либо индивидуума было его быстрое обогащение и уменьшение достатка в другой семье.

Большой достаток также нередко объясняли преступлением: «Зажиточные крестьяне не все пользуются уважением, хотя с виду все относятся к ним с почтением, ... при расспросах о богачах таинственно рассказывают разные неблагоприятные истории и причины, по которым получилось богатство. “Ты не сказывай, а ведь он мужика убил, деньги-то вынул, да покойника-то головой в реку и опустил. ... С тех пор и пошел, и пошел богатеть”. Увеличить свое достояние всем хочется, но большинство только “оборачивается”, это их выражение, т.е. проживает то, что заработали» [Русские крестьяне 2004: 33].

По архаическим представлениям, колдуны обладали способностью «держат обилие», т.е. влиять на урожай и воспроизводство животных; древние волхвы «удерживали под кожей иная жито, иная мед, иная рыбу, иная белку и пр.» [Чулков 1786: 262]. Можно предположить, что в прошлом ритуальные специалисты проводили обряды, направленные на увеличение урожая и плодородия скота, а часть произведенного зерна и животных полагалась им как плата за услуги. Со временем отношение к «знающим» меня-